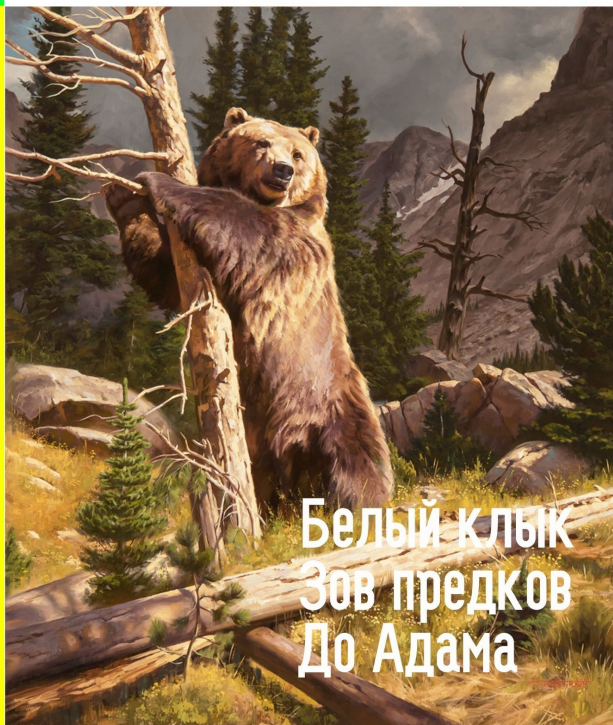

21 век. Библиотека школьника

Д. Лондон

Белый клык
Зов предков
До Адама

Джек Лондон
Белый Клык. Зов
предков. До Адама
(адаптированный пересказ)
Серия «21 век. Библиотека школьника»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472620

Белый Клык. Зов предков. До Адама: Директ Медиа; М.; 2016

ISBN 5-17-027110-7

Аннотация

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам.

В книгу вошли известные повести классика американской литературы Джека Лондона «Белый Клык», «Зов предков», «До Адама».

Содержание

Белый Клык	5
Часть первая	5
1. Северное безмолвие	5
2. Волчица	9
3. Голод	13
Часть вторая	19
4. Одноглазый	19
5. Логово	22
6. Волчонок	26
7. Стена света	28
8. Законы охоты	32
Часть третья	36
9. Повелители огня	36
10. Рядом с людьми	43
11. Чужак	47
12. Вслед богам	49
13. Условие	52
14. Голод	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джек Лондон
Белый Клык. Зов
предков. До Адама

© Родин И. О., текст, 2016

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Белый Клык

Часть первая

1. Северное безмолвие

Реку сковало толстым панцирем льда. По обоим ее берегам темнел еловый лес. Внезапный резкий порыв ветра сорвал с окоченевших деревьев белый покров инея, и мертвые черные ветви рельефно выступили на фоне ровной снежной белизны. Воздух застыл. Никакого движения не было заметно на многие километры вокруг. Северное безмолвие воцарилось над землей.

Вокруг до самого горизонта лежала необъятная безжизненная страна. Индейцы называли ее «Ледяная пустыня». Здесь не было места человеку с его страстями, радостями и горестями. Ледяная пустыня тысячи лет оставалась неизменной, и ей не нужны были живые существа, которые бы нарушили ее вечный покой.

И все же изредка кто-то из людей осмеливался вторгнуться в эти бескрайние пределы. Ледяная пустыня не любила пришельцев, и им приходилось вступать с ней в жестокое единоборство.

По замерзшей реке быстро двигалась собачья упряжка. Сани были сделаны из толстой березовой коры. Полозьев не было, так что сани просто волочились по снегу. На санях стоял крепко привязанный длинный деревянный ящик.

Перед упряжкой на лыжах шел человек в одежде охотника. Его приятель следовал за санями. Корка льда покрывала лица путников.

В деревянном ящике лежал еще один человек. Для него мирская суета уже навсегда отошла в прошлое, и он больше не боролся, не страдал, не радовался, не удивлялся. Он многое имел при жизни, но ему не хватало событий, и потому он отправился в экспедицию с двумя спутниками и шестью собаками, которые шли теперь в упряжке. Ледяная пустыня победила его и теперь бросала вызов его двум товарищам.

Вторую неделю стояли морозы ниже пятидесяти градусов. Люди шли молча, не тратя силы на разговор. Северный день короток, и надо было успеть при свете покрыть как можно большее расстояние. Бросить гроб они не могли, потому что покойный был лордом, знатным и богатым человеком. Охотники только сопровождали его в этой рискованной экспедиции, и теперь от них требовалось доставить тело родственникам, чтобы те похоронили незадачливого путешественника в его владениях.

Прошел час, потом другой. Спускались сумерки. Издалека донесся слабый вой. Скоро послышался ответный вой, уже ближе.

– Волки, – произнес тот, кто шагал за упряжкой.

– Волки, – согласился второй. – За нами гонятся, Билл.

– Я уже несколько дней не видел ни одного заячьего следа, Генри, – отозвался первый. – Волкам не хватает добычи. Теперь жди гостей.

Путники замолчали.

Арктический день длился недолго. Стемнело рано. Билл и Генри остановились на привал. Они распрягли собак и сняли с саней гроб. Охотники без всяких угрызений совести использовали длинный деревянный ящик в качестве обеденного стола. Собаки сбились в кучу около костра. Животные рычали и грызлись, но убежать в темноту не пытались.

– Как-то они подозрительно жмутся к огню, – заметил Билл. – Наверное, волки уже близко.

– Слушай, перестань ныть. Скоро мы доберемся до форта. Потерпи еще чуть-чуть.

Билл замолчал, вытащил из мешка несколько рыбин и пошел кормить собак. Вернулся он озадаченный.

– Сколько у нас собак, Генри?

– Ты разучился считать, Билл? Шесть с утра было.

– Странно.

– Что же в этом странного, Билл?

– А то, что я взял из мешка шесть рыбин и дал каждой собаке. Но одной из них рыбины не хватило. Там семь собак.

– Ты мог перепутать, Билл.

– Мог, – согласился Билл. – Но одна, наевшись, бросилась

прочь, в темноту. Я пересчитал оставшихся. Собак по-прежнему шесть. Я посмотрел на снег и увидел следы. Хочешь взглянуть? Пойдем, покажу.

– То есть ты считаешь, что у нас гости?

Билл кивнул.

Генри посмотрел в темноту. Неподалеку виднелась пара горящих, как угли, волчьих глаз. Рядом с ней загорелась вторая пара, потом третья.

Собаки беспокоились все больше, и наконец, охваченные страхом, сбились в кучу почти у самого костра, подползли к людям и прижались к их ногам.

– Сколько патронов у тебя осталось? – спросил Генри.

– Только три, – ответил тот, – а в теперешнем положении и триста было бы маловато.

Генри вздохнул.

– Знаешь, что меня по-настоящему беспокоит? – сказал вдруг Билл. – Почему собаки не накинулись на того волка, которому досталась рыба?

– Не знаю, Билл. Может, тебе все же померещилось?

Они проснулись в шесть часов утра. Еще не рассвело. В темноте Генри занялся приготовлением завтрака, а Билл свернул постель и стал укладывать вещи в сани. Перед тем, как пуститься в путь, он принялся запрягать собак.

– Генри, – сказал вдруг Билл, причем голос у него дрогнул, – повтори, сколько у нас было собак.

– Шесть.

– Неправильно.

– Опять семь? – издевательским тоном спросил Генри.

– Нет, пять. Одной не хватает. Фэтти сбежал.

– Не сбежал. Они его живьем проглотили.

– Я всегда считал Фэтти глуповатым псом, – проговорил

Билл убитым голосом.

– Даже у самого глупого пса хватит ума не идти на верную смерть, – отозвался Генри.

Он оглядел упряжку, словно оценивая достоинства каждого пса.

– Надеюсь, остальные собаки будут благоразумнее.

2. Волчица

На следующем привале Билл и Генри нарубили кучу хвоста и разложили очень большой кос тер. Волки боялись приближаться к огню, и под защитой яркого пламени люди и собаки чувствовали себя в безопасности.

Генри занялся приготовлением ужина. Он варил бобы, подкладывая в котелок колотый лед вместо воды. Вдруг за его спиной раздался звук удара, крик Билла и пронзительный собачий визг. Генри обернулся и увидел, что его товарищ стоит возле собак, держа в одной руке палку, а в другой хвост вяленого лосося.

– Все-таки он меня перехитрил! – крикнул Билл. – Половину рыбы откусил! Зато я ему всыпал как следует.

– Кому?

– Это, должно быть, ручной волк. Является к кормежке и берет из рук рыбу.

Ночью, когда два приятеля, поужинав, сидели на ящике и курили трубки, они заметили, что круг горящих волчьих глаз сузился. Это означало, что голодные звери осмелели. Но костер по-прежнему полыхал ярко, и волки остерегались подходить вплотную к огню.

Поутру Генри разбудила отчаянная брань. Билл стоял среди собак у разгорающегося костра и яростно размахивал руками.

– Билл! – крикнул Генри. – Что такое?

– Фрог исчез.

– Как исчез?

Генри выскочил из-под одеяла и кинулся к собакам. Внимательно пересчитав их, он тоже завопил от отчаяния.

– Фрог был самый сильный во всей упряжке, – отметил Билл. – Почему он убежал? Ума не приложу. Наверное, перегрыз привязь.

С наступлением темноты вой послышался почти рядом. Люди раскинули очередную стоянку. Билл привязал собак к палкам особым способом, который подметил у индейцев. На шею каждой собаки он надел кожаную петлю, к петле, вплотную к шее, привязал длинную толстую палку. Другой конец палки Билл прикрепил кожаным ремнем к вбитому в землю колу. Ремень около шеи собаки перегрызть не могли, а пал-

ки мешали до стать зубами привязь у кола. Генри одобрил действия своего товарища и занялся стряпней. Билл сидел поодаль, молча покуривая, погруженный в невеселые раздумья.

Возня среди собак привлекла внимание обоих людей. Нетерпеливо повизгивая, пес Одноухий рвался в темноту и яростно грыз палку, к которой был привязан. Билл и Генри переглянулись и замерли, уставившись на него.

В круг, освещенный костром, неслышными шагами, боком, проскользнул зверь, внешне напоминающий собаку, но крупнее. Зверь опасно оглядывался, не упуская из виду людей. Одноухий рванулся к чужаку, и нетерпеливо заскулил. Создавалось впечатление, что волк манил пса следовать за собой.

– Это волчица, – догадался Генри. – Теперь ясно, что случилось с Фэтти и Фрогом. Она для них как приманка. Завлекает собак, а остальные набрасываются и съедают их.

– Знаешь, а ведь она привыкла к кострам, – заметил Билл. – Первый раз такое вижу.

Они повздыхали, покачали головами и улеглись спать.

Утро началось с неприятностей.

– Спэнкер убежал, – сообщил Генри. – Судя по всему, Одноухий перегрыз его привязь. Сам Спэнкер, конечно, не достал бы до ремня.

Билл так расстроился, что отказался пить кофе.

– Сегодня привяжу всех поодиночке, – сказал он мрачно,

едва сани тронулись в путь.

День прошел, как и все предыдущие. Рассвело в девять часов. В двенадцать горизонт на юге порозовел от невидимого солнца. Начался очередной хмурый зимний день, который через три часа сменился непроглядной ночью. В сумерках волков стало видно совсем близко. Они рыскали по округе, но добычи не было, и звери не отставали от маленькой группы. Волки были уверены, что люди от них не уйдут, и решили немного потерпеть.

Перед тем, как сделать привал, Билл оглянулся. За поворотом, который они только что прошли, по их свежим следам бежал пушистый зверь.

– Вот и волчица, – проговорил Билл. – Надо же, какая странная масть – красновато-коричневая.

Действительно, в шерсти волчицы играл легкий красноватый оттенок.

– Похожа на ездовую лайку, – сказал Билл. – Даром что хвостом не виляет.

Он осторожно вытащил ружье из саней и поднял его. Волчица, не дожидаясь, пока он поднимет оружие к плечу, отпрыгнула в сторону и скрылась среди деревьев.

– Ну и ну! – воскликнул Билл, кладя ружье на место. – Эта волчица знает время кормежки собак и знает, зачем человеку ружье! Она не так проста, как хотелось бы. Но я ее перехитрю. Я подстрелю ее из засады.

В эту ночь остановку пришлось сделать рано. Три собаки

не могли везти сани так быстро и так долго, как шесть. Билл привязал животных подальше друг от друга, чтобы они не перегрызли друг у друга ремней, и с мрачным выражением на лице улегся спать.

3. Голод

День начался удачно. За ночь ни одна из собак не пропала, и, обрадованные, Генри с Биллом еще затемно двинулись в путь.

Все шло хорошо, пока на одном из поворотов сани не опрокинулись. Они застряли между деревом и огромным валуном. Пришлось распрягать собак. Люди наклонились, стараясь поднять сани. В этот момент Генри увидел, что Одноухий убегает в сторону.

– Назад, Одноухий! – закричал Генри, но пес не слушал его и мчался прочь.

Генри выпрямился и все понял. Там, в стороне, пса поджидала волчица. Одноухий подбежал к ней остановился. Он глядел на волчицу пристально, опасно и жадно. Она скалила зубы, словно улыбаясь доверчивому псу вкрадчивой улыбкой. Волчица то приседала, то отбегала на несколько шагов, увлекая Одноухого за собой, все дальше от его надежных защитников – людей.

Билл вспомнил о ружье, которое лежало под опрокинутыми санями. Пока с помощью Генри он выволок его из-под

поклажи, Одноухий и волчица подошли друг к другу совсем близко. Стрелять на таком расстоянии не было смысла: можно было попасть в пса. Билл опустил ружье и выругался.

Одноухий слишком поздно понял свою ошибку. Десятки исхудавших волков уже мчались наперерез бестолковому псу. Волчица мигом бросила свои заигрывания и с рычанием кинулась на Одноухого. Одноухий развернулся и помчался назад, к людям, но волки были совсем близко. Они отрезали Одноухому путь к саням.

– Ну, хватит! – заявил Билл. – Больше я не отдам ни одной собаки!

Билл бросился наперерез стае. Днем, имея в руках ружье, отогнать волков и спасти собаку было вполне возможно.

– Осторожнее, Билл! – крикнул ему вдогонку Генри.

Генри сел на сани и стал наблюдать за погоней. Ничего другого ему не оставалось. Скоро стало понятно, что положение Одноухого безнадежно: пес не сможет опередить своих преследователей настолько, чтобы обогнать их и добраться до саней.

Погоня скрылась за деревьями. Генри знал, что там, в снегах, сейчас сойдутся в смертельной схватке стая голодных волков, Одноухий и Билл.

Все произошло очень быстро. Раздался выстрел, потом еще два. Заряды у Билла кончились. Послышался визг, человеческий крик и свирепое рычание. Потом снова нависла тишина.

Генри долго сидел на санях. Ему казалось, что встреча Билла со стаей произошла у него на глазах. Оплакивать друга не было сил: навалилась какая-то чудовищная усталость.

Генри поднялся и стал запрягать. Он потащил сани вместе с двумя последними собаками. Как только стало темнеть, Генри сделал остановку и заготовил как можно больше хвороста. Он покормил собак, поел сам и устроился на одеяле около самого костра.

Но заснуть ему не удалось. Едва Генри закрыл глаза, как волки стали приближаться.

Генри хватал из костра горящие головни и швырял их в зверей. Пахло паленой шерстью, волки ненадолго отступали, но через некоторое время возвращались, и все повторялось сначала.

В девять утра дневной свет разогнал волков. Генри подумал, что в сложившихся обстоятельствах не в силах в одиночку доставить гроб по назначению. Он срубил несколько молодых елей и, привязав их высоко к деревьям, устроил помост. Перекинув через него веревку, Генри с помощью собак поднял гроб и установил его наверху.

Переведя дух, Генри тронулся в путь.

В этот день волки осмелели. Они спокойно бежали совсем рядом с санями. Звери так исхудали, что Генри сам удивлялся, как они не падают от слабости.

Как только солнце закатилось, Генри сделал привал.

Вместе с темнотой к нему пришел ужас. Закутавшись в

одеяло, положив топор у ног, Генри сидел у костра. Предыдущая бессонная ночь давала себя знать. Даже страх перед подступающими волками не помогал преодолеть дремоту. Генри насчитал больше десятка волков, которые смотрели на него голодными глазами. Так дети собираются вокруг накрытого стола и ждут разрешения, чтобы наброситься на лакомство.

Всю ночь Генри отбивался от голодной стаи горящими головнями, засыпал, когда бороться с дремотой не хватало сил, и просыпался от визга и рычания собак. Наступило утро, но на этот раз дневной свет не прогнал голодных хищников.

Едва Генри отошел от гаснущего костра, чтобы нарубить хвороста, как на него бросился самый крупный волк. Прыжок был плохо рассчитан, и хищник промахнулся. Генри отпрянул назад, и зубы волка щелкнули в нескольких сантиметрах от его ноги. Стая кинулась к человеку, заметалась вокруг. Только горящие головни отогнали волков на почти-тельное расстояние.

Шагах в двадцати от саней росла громадная засохшая ель. Генри пришлось перекидывать горящие головни с места на место и двигаться вдоль образовавшейся огневой завесы, чтобы добраться до дерева. Еще много времени ушло на то, чтобы нарубить веток для нового большого костра.

Когда костер наконец ярко запылал, волки отбежали на безопасное расстояние. Уже начало смеркаться.

В этот день упряжка так и не тронулась в путь. Это было

вдвойне обидно, потому что, по подсчетам Генри, до форта оставалось уже не больше двух дневных переходов.

Ночью рассвирепевшие, обезумевшие от голода волки набросились на человека. Чьи-то клыки впились Генри в руку. Ему не оставалось другого выхода, кроме как прыгнуть в костер. Толстые рукавицы защищали руки от огня, и Генри принялся хватать горящие угли и горстями расшвыривать их во все стороны. От жара лицо его покрылось волдырями, брови и ресницы обгорели, подошвы обуви начали медленно тлеть. Схватив в каждую руку по головне, Генри прыгнул ближе к краю костра, ткнул факелами в темноту и не помня себя от страха и ярости, закричал. Волки отступили. Генри опустил на сани.

Самое неприятное состояло в том, что обе собаки в ходе нападения волков исчезли бесследно. Генри знал, что с ними случилось, и принялся обдумывать новый план обороны, готовясь сражаться с волками в одиночку. Разложив костер широким кольцом, Генри перебрался внутрь образовавшегося круга и бросил свою постель на тающий снег. Когда он скрылся за огненной оградой, стая окружила ее, недоумевая, куда пропал человек.

Наступил новый день. Костер догорал. Хворост подходил к концу, и Генри попытался выйти за пределы огненного кольца. Волки бросились ему навстречу. Горящие головни заставляли хищников отскакивать в стороны, но прочь они уже не убегали.

Генри опустился на одеяло, словно смирившись с неизбежным. У него не осталось сил бороться. Кольцо огня и тлеющих углей местами разомкнулось, распавшись на отдельные костры. Свободный проход между ними все увеличивался, а сами костры уменьшались.

– Вот и все, – пробормотал Генри.

Он опустил голову на руки и провалился в сон.

Когда Генри очнулся, он сначала он не мог понять, что случилось. Вокруг что-то изменилось. Он осмотрелся и увидел, что волки исчезли.

Рядом послышались человеческие голоса, скрип полозьев, возня собак. К костру подъехало четверо саней. Несколько человек окружили Генри, скорчившегося в кольце угасающего огня.

– Где лорд Альфред? – крикнул один из приехавших, с силой тряхнув Генри за плечо.

– Он на деревьях... у последней стоянки.

– Он умер?

– Да, – ответил Генри. – Пожалуйста, оставьте меня в покое... Спокойной ночи...

Часть вторая

4. Одноглазый

Волчица первой услышала звуки голосов и визг ездовых собак. Она отскочила от человека, который лежал за угасающей огненной оградой, и стремительно помчалась прочь. Ей было очень жаль расставаться с затравленной добычей, но выхода не было.

Стая кинулась следом за волчицей. Во главе стаи несся вожак, крупный серый волк. Волчица побежала рядом с ним. Вожак не рычал и не огрызался на нее, наоборот, давал понять, что очень расположен к своей спутнице.

Справа от них длинными прыжками мчался старый одноглазый волк. На его серой шкуре виднелись рубцы и шрамы – следы многих сражений. Старый волк то и дело теснил волчицу, нежно толкая ее мордой то в бок, то в плечо. Она встречала его ухаживания лязганьем зубов, так же как и знаки внимания вожака.

Со стороны слепого глаза старого хищника бежал сильный трехлетний волк. Время от времени он отставал и украдкой втискивался между Одноглазым и волчицей. Вожак и старый волк давали молодому наглецу дружный отпор.

Волкам пришлось пересечь не одну реку и обыскать не од-

ну низину, прежде чем их поиски увенчались успехом. Первой добычей стаи стал крупный лось. Волки окружили его. Меткими ударами тяжелых копыт лось распарывал нападавшим животы, пробивал головы, ветвистыми рогами ломал хребты, подкидывая хищников в воздух. Но лось был обречен на гибель и в конце концов он рухнул на снег. Волчица с остервенением впиалась лосю в горло. Зубы остальных волков разорвали добычу на части живьем.

Насытившись, волки успокоились. Теперь можно было отдохнуть после нелегкого перехода. Молодые самцы даже стали подыскивать себе пару и затевать драки из-за самок. Только спустя несколько дней они двинулись дальше, на поиски новой добычи.

Скоро стая стала уменьшаться. Волки разбивались на пары – самец с самкой – и уходили охотиться самостоятельно. Наконец волчица, вожак, Одноглазый и трехлетний волк остались вчетвером.

Если к самке волки были очень почтительны, то отношения их между собой были накалены до предела. Дни, когда волки вместе охотились, уже стерлись из их памяти. Добыча, которую они вместе загоняли, голод, терзавший всех троих, были забыты. Самцов было трое и, чтобы завоевать расположение волчицы, им предстояло выяснить, кто из них окажется наиболее достойным этой чести.

Дерзкий трехлеток подскочил к старому волку со стороны слепого глаза и разорвал ему ухо. Одноглазый призвал на

помощь многолетнюю мудрость и опыт и принял бой.

К старому вожаку присоединился молодой. Они набросились на дерзкого трехлетка и одновременно вцепились ему в шею с двух сторон. Вдвоем им удалось очень быстро одолеть его. Ослепительно белый снег окрасился кровью. Молодой волк рухнул, как подкошенный. Он отдал за свою любовь жизнь.

Оба соперника стояли над его бездыханным телом и смотрели на волчицу, которая скалила зубы, словно улыбаясь им.

Старый волк был мудр в делах любви не меньше, чем в сражениях. Он дождался, когда молодой вожак повернет голову, чтобы зализать рану на плече. Загрибок его был прекрасно виден Одноглазому. Старик с быстротой молнии бросился на молодого волка и полоснул его клыками по шее, вспоров вену. Вожак пошатнулся и упал, истекая кровью.

Одноглазый гордо направился к волчице. Она впервые встретила его ласково, позволила обнюхать себя и даже стала прыгать и резвиться. Старый волк забыл про свой почтенный возраст и солидный жизненный опыт и завил хвостом.

Они побежали рядом, как друзья, пришедшие наконец к взаимному согласию. День за днем пара не разлучалась – они вместе охотились, вместе съедали добычу, вместе бродили по лесам.

Потом волчицей овладело беспокойство. Ее тянуло в укромные местечки под упавшими деревьями, и она часами обнюхивала уединенные пещеры под нависшими берегами

реки.

Однажды Одноглазый и его подруга охотились в окрестностях индейского поселка: гнали зайца по залитому луной лесу. Старый волк уже настигал добычу, но заяц вдруг взлетел высоко в воздух и стал подпрыгивать и раскачиваться там, наверху, не касаясь земли. Одноглазый отскочил назад и грозно зарычал. Но волчица спокойно обошла его, примерилась к прыжку и подскочила вверх, стараясь схватить зайца зубами.

Она промахнулась. Одноглазый вышел вперед и тоже подпрыгнул. Схватив зайца зубами он благополучно приземлился, но тут сбоку послышался подозрительный шум. Над Одноглазым склонилась молодая елка. Он испугался и разжал челюсти. Деревце выпрямилось, и заяц снова взлетел в воздух.

Оглядываясь на волчицу, Одноглазый повторил попытку. Теплая кровь зайца была такой вкусной, что выпускать его второй раз не хотелось. Волчица подошла и отгрызла зайцу голову. Елка выпрямилась, голова зайца взлетела вверх, а туловище осталось в пасти Одноглазого.

Так волчица научила старика обкрадывать западни. Эта наука впоследствии сослужила ему хорошую службу.

5. Логово

Волчица сильно отяжелела за последнее время и не мог-

ла быстро бегать. Одноглазый был терпелив и заботлив, как никогда. Поиски укромных местечек продолжались. Наконец волчица облюбовала небольшую пещеру, зашла внутрь, тщательно обнюхала новое убежище и медленно улеглась на землю.

Одноглазый отправился на охоту в одиночестве. Солнце уже светило вовсю, снег таял и проваливался под ногами. В этот день старый волк не раз видел издали дичь, но ему не удалось поймать ее. Зайцы легко скакали по таявшему насту, а он только барахтался в снегу.

Одноглазый вернулся в пещеру ни с чем и, охваченный каким-то странным предчувствием, остановился у входа. Изнутри доносился слабый писк. Конечно, это не был голос волчицы, но почему-то новые звуки показались старому волку удивительно знакомыми.

Волчица по-прежнему лежала на том же месте, что и утром, но между ее лапами копошились пять маленьких живых клубочков.

Молодая мать тихо заворчала. Инстинкт подсказывал ей, что отец может съесть свое беспомощное потомство.

Старый волк тоже почувствовал веление инстинкта. Повернувшись спиной к своему новорожденному потомству, он вновь отправился на поиски пищи.

На этот раз ему повезло больше: у замерзшего ручья Одноглазый нашел свернувшегося дикобраза. В молодости он однажды ткнулся мордой в такой же клубок игл, но дикоб-

раз размахнулся и ударил его утыканным острыми шипами хвостом по морде. Одна игла так и осталась тогда торчать у волка в носу, причиняя боль, и вышла только через несколько недель. Теперь Одноглазый знал, что подходить к дикобразу не стоит, а надо выждать, пока он сам развернется и схватить лапой за мягкое, не защищенное брюхо. Волк лег в отдалении и приготовился к прыжку.

Дикобраз, однако, подставлять брюхо под удар не собиравался и терпеливо лежал, ошестинившись длинными иголками. Через полчаса Одноглазый поднялся, злобно зарычал на неподвижный клубок и побежал дальше. Он знал, что пищу надо найти во что бы то ни стало, и не хотел зря терять время. День подходил к концу, волчица была голодной, а он все еще ничего не добыл.

В полдень Одноглазому попалась белая куропатка. Короткое ожидание в засаде, стремительный прыжок – и неосторожная птица затрепыхалась у него в зубах. Челюсти волка принялись было жевать добычу, но тут он словно вспомнил что-то и, схватив куропатку зубами, пустился бежать к пещере.

Его обратный путь пролегал мимо ручья. Единственный зоркий глаз волка заметил на берегу крупную рысь. Она лежала перед свернувшимся в тугой клубок дикобразом, точно так же, как рано утром здесь караулил сам Одноглазый. Волк почуял, что ему может повезти второй раз за день. Он лег на снег за невысокой северной сосной, положил куропатку ря-

дом с собой, и стал внимательно следить за рысью и дикобразом.

Так прошел час.

Дикобраз в конце концов решил, что рысь ушла. Медленно и осторожно он стал расправляться, но, не успев развернуться до конца, заметил своего врага. В это мгновение рысь ударила дикобраза огромной лапой с крепкими когтями, распорола его нежное брюхо и тотчас же отдернула лапу назад. В этот момент дикобраз ударил ее сбоку хвостом.

Рысь пронзительно завизжала от невыносимой боли. Дикобраз, хрипя и пытаясь свернуться в клубок, чтобы спрятать вывалившиеся из распоротого брюха внутренности, еще раз ударил рысь хвостом. Огромная кошка снова взвыла от боли и отпрянула назад. На этот раз удар пришелся по ее нежному носу, который стал похож на подушку для булавок.

Рысь с воем кинулась прочь и скоро исчезла вдали. Только теперь Одноглазый решился выйти из своего укрытия.

Дикобраз истекал кровью. Одноглазый лег на снег перед дикобразом, который лязгал зубами и дергался в предсмертных судорогах. Вдруг дрожь прекратилась, иглы опустились, тело обмякло и больше уже не шевелилось.

Осторожным движением Одноглазый растянул дикобраза во всю длину и перевернул на спину. Убедившись, что зверь мертв, волк осторожно взял добычу в зубы и побежал, осторожно волоча ее по снегу, чтобы не наступать на колючие иглы. Тут он вспомнил, что забыл куропатку. Одноглазый вер-

нулся, съел птицу, потом подобрал дикобраза и, торжествуя, поспешил в логово к своей подруге.

Волчица удовлетворенно осмотрела добычу и лизнула волка в шею, но тут же тихо зарычала, отгоняя его от волчат.

6. Волчонок

Серый волчонок сильно отличался от своих братьев и сестер. Они унаследовали от матери рыжеватую шерсть, а серый напоминал отца.

Первый месяц его жизни почти весь прошел во сне, потому что волчата рождаются слепыми. Потом его глаза открылись, и волчонок понемногу принялся знакомиться с окружающим миром. Он обнаружил вход в пещеру, который казался ему светлой стеной. Оттуда появлялся его отец (волчонок уже признал в Одноглазом одного из обитателей своего мира – похожее на мать существо, которое спит ближе к свету и приносит пищу). За стену света отец уходил, чтобы позже вернуться с добычей.

Волчонок стремился к свету. Ему было любопытно, что скрывается за входом в пещеру. На этом пути познания он открыл, что у матери есть твердый нос, которым она в наказание может отбросить его назад, подальше от света. Позже волчонок испытал на себе воздействие тяжелой материнской лапы, которой та приминала его к земле и резким движением перекаtywала в угол пещеры.

Серый рос свирепым волчонком. Рычание получалось у него более хриплым и громким, чем у братьев и сестер, припадки щенячьей ярости были страшнее. Он первый научился ловким ударом лапы опрокидывать других волчат навзничь. Когда ему исполнился месяц, он начал есть мясо, наполовину пережеванное волчицей, потому что теперь ее молока подростку выводку не хватало.

Как и большинству обитателей Севера, волчонку рано пришлось испытать чувство голода. Наступили дни, когда отец перестал приносить мясо, когда даже материнские соски не давали молока. Волчата жалобно скулили и почти все время спали. Потом на них напало голодное оцепенение. Не было уже возни и драк, никто из них не приходил в ярость, не пробовал рычать.

Одноглазый совсем потерял покой. Он рыскал повсюду в поисках добычи и мало спал в логове, которое стало теперь унылым и безрадостным. Волчица тоже оставила свой выводок и вышла на поиски корма.

Когда серый немного окреп и снова стал интересоваться окружающим миром, он обнаружил, что у него осталась только одна сестра. Остальные волчата умерли от голода. Серый стал играть в одиночестве, потому что сестра не могла ни поднять головы, ни шевельнуться. Она почти все время спала, и искра жизни в ее маленьком тельце, похожем на обтянутый кожей скелет, мерцала все слабее и слабее и наконец угасла совсем.

Потом наступило время, когда Одноглазый перестал появляться в логове. Отправившись за добычей вверх по ручью, волчица напала на его след, а позже нашла самого Одноглазого – вернее, то, что от него осталось. Примятая трава и разрытая земля говорили о том, что недавно на этом месте состоялась жестокая схватка рыси и старого волка. Рысь победила и скрылась с места побоища.

7. Стена света

В один прекрасный день, когда мать ушла на охоту, волчонок неверными, робкими шагами направился к выходу из пещеры.

Он боялся, что натолкнется на твердую поверхность, но стена света оказалась прозрачной. Волчонок вышел в большой мир.

Его охватил панический ужас. Мир состоял из множества неизвестных и опасных вещей. Шерсть у волчонка встала дыбом; он оскалил зубы, пытаясь издать яростное, устрашающее рычание, как делала в таких случаях мать. Серый помедлил, настороженно озираясь по сторонам, но ничего страшного не произошло. Ручей так же сверкал на солнце, засохшая сосна возвышалась над откосом, поднимавшимся прямо к пещере.

От любопытства испуг быстро прошел. Серый попробовал пройти дальше. Неуклюжие лапы поскользнулись на песча-

ном откосе, и волчонок покатился вниз.

Он упал на траву, росшую у подножия откоса, и жалобно заскулил. Мать не появлялась, и волчонку ничего не оставалось, как начать заботиться о себе самостоятельно. Он уселся на землю и принялся отчищать языком прилипшую к шерсти сухую глину.

Какая-то дерзкая птица подскочила к волчонку. Он, играя, протянул к ней лапу, но птица больно клюнула его в нос. Волчонок завизжал, и напуганная птица тотчас упорхнула.

Волчонок пошел вперед. Он спотыкался, падал, ушибал нос, лапы, но зато с каждой ошибкой узнавал все больше. Он уже пытался рассчитывать движения, определять расстояние между собой и другими предметами.

Удача всегда сопутствует новичкам. Дичь попалась волчонку прямо около пещеры. Он проходил по стволу поваленного бурей дерева, но не удержал равновесия и свалился на искусно спрятанное в траве гнездо куропатки, в котором сидели семь птенцов.

Птенцы запищали, и серый сначала испугался. Однако увидев, что птички совсем маленькие, волчонок осмелел. Он примял одного птенчика лапой, и тот испуганно затрепыхался. Волчонку это понравилось. Он обнюхал птенца и взял его в пасть. Птенец забился, щекоча ему язык.

В этот миг будущий охотник почувствовал голод. Челюсти волчонка сомкнулись, нежные косточки птенца хрустнули, и серому на язык потекла теплая кровь. Она оказалась очень

вкусной. Волчонок сообразил, что у него в зубах была дичь, такая же, какую приносила ему мать, только лучше, потому что эта дичь была живая. Волчонок с аппетитом съел первого птенца и остановился только тогда, когда покончил со всем выводком.

Тут на волчонка обрушился град ударов. Ничего не понимая, он уткнулся головой в лапы и обиженно завизжал. Куропатка-мать, подоспевшая к гнезду слишком поздно, готова была растерзать маленького убийцу. Волчонок разозлился, зарычал и принялся отбиваться лапами. Потом ему пришло в голову, что можно ухватить птицу за крыло, и он впился маленькими зубками в ее перья.

Это было первое сражение волчонка. Он радовался битве, потому что в нем, помимо его воли, заговорила воинственная кровь предков.

Куропатка вырывалась, била обидчика вторым крылом, потом больно клюнула в нос. Воинственный пыл волчонка мигом угас. Выпустив добычу, он бросился наутек и спрятался под кустом. Неожиданно сверху резко пахнуло ветром, и волчонок инстинктивно вжался в землю, прячась под ветвями. Ястреб, кинувшийся на него с высоты, промахнулся.

Из разоренного гнезда выпорхнула куропатка, от горя забывшая об осторожности. Волчонок отчетливо разглядел то, что случилось секундой позже, и это послужило ему хорошим уроком. Ястреб камнем упал вниз, пронесся над землей, почти задевая траву крыльями, вонзил когти в куро-

патку, пронзительно вскрикнувшую от боли, и взмыл ввысь, унося птицу с собой.

Волчонок некоторое время сидел неподвижно, дрожа от страха, потом успокоился. Волчонок решил поискать другого соперника для драки, взамен исчезнувшей куропатки, и стал спускаться по отлогому берегу к ручью.

Серый увидел воду в первый раз. Ему показалось, что она твердая, ровная. Волчонок отважно шагнул вперед и погрузился в прохладный поток с головой. Вместо воздуха, которым он привык дышать, в легкие хлынула вода.

Волчонок забарахтался, ударил по воде лапами, словно это было для него привычным делом, вынырнул на поверхность и поплыл. На середине ручья его подхватило и понесло вниз по течению. Через несколько минут он попал в водоворот, который вынес его на отмель. Обессиленный, волчонок вылез из воды и лег на песок.

Серый вдруг вспомнил, что у него есть мать, очень заскучал по ней. После всех приключений у малыша ныло тело и болела голова, ему хотелось прижаться к теплому боку волчицы и спрятать мордочку в ее густой шерсти. Он оглянулся по сторонам, но матери по-прежнему не было поблизости.

Маленькая желтая ласка метнулась мимо него и спряталась в кустах. Волчонок совсем не испугался ее. У самых своих лап он увидел крохотного детеныша ласки, видимо, брошенного матерью впопыхах. Волчонок перевернул детеныша на спину, и тот запищал скрипучим голосом. В тот же

миг желтое пятно с визгом обрушилось на волчонка. Что-то сильно ударило его по голове, и острые зубы ласки-матери впились ему в шею. Волчонок с визгом попятился назад. Ласка подскочила к своему детенышу, схватила его за загривок и исчезла с ним в кустах. Серый решил, что на этом приключение окончено, но он ошибся. Спрятав малыша в кустах, ласка вернулась. Она не хотела уходить без добычи и, выждав момент, снова впилась зубами в шею волчонку. Волчонок рычал, отбивался, старался вырваться из зубов ласки и убежать. Ласка не отпускала его, а настойчиво лезла к вене, чтобы прокусить ее.

Тут как нельзя кстати из кустов выскочила волчица. Ласка отпустила волчонка и метнулась к горлу его матери, но промахнулась. Волчица взмахнула головой, зубы ласки сорвались, и она взлетела высоко в воздух. Не дожидаясь, когда тонкое желтое тельце упадет на землю, волчица схватила его на лету и перекусила ласку пополам.

Прилив материнской нежности послужил наградой волчонку за все его испытания. Мать нежно подталкивала его носом, зализывала ему раны. Потом они поделили между собой ласку, съели ее и, довольные, вернулись в пещеру.

8. Законы охоты

Волчонок питал глубокое уважение к своей матери. Она умела добывать мясо и никогда не забывала принести долю

сыну. Она никого и ничего не боялась. По мере того, как волчонок рос, ее обращение с ним становилось все более суровым. Если раньше волчица наказывала серого, опрокидывая на землю лапой, то теперь ее недовольство выражалось в виде свирепых укусов. Сила внушала волчонку уважение. Волчица требовала послушания, но чем больше волчонок рос, тем труднее ему становилось починяться матери.

Случалось, волчье семейство голодало, потому что дичь исчезала из леса или в окрестностях бродило слишком много людей.

Один раз волчица принесла необычное мясо. Это был довольно крупный детеныш рыси. Весь он предназначался волчонку. Мать уже успела насытиться – она набрела на рысью нору и уничтожила оставшихся без присмотра котят.

Волчонок наелся до отвала, прилег рядом с матерью и заснул. Его разбудило страшное рычание волчицы. Она готовилась к жестокой битве, потому что выводок рыси нельзя уничтожить безнаказанно.

Серый услышал и другое рычание, грозное, чужое, незнакомое. Шерсть на спине у волчонка поднялась дыбом. К земле у входа в пещеру припала крупная рысь. Она выследила, куда ушел убийца ее детенышей, и теперь пришла отомстить за них.

Низкий вход в логово не позволял рыси прыгнуть на свою обидчицу. Большая кошка скользнула в пещеру, но волчица ринулась ей навстречу и прижала ее к земле. Оба зверя с ры-

чанием катались по земле. Рассвирепевшая рысь рвала свою противницу зубами и когтями.

Тогда волчонок решил прийти матери на помощь. Он подскочил к рыси и с яростным рычанием вцепился ей в заднюю лапу. Тяжестью своего тела он, сам того не подозревая, мешал ее движениям, отвлекая часть внимания хищницы на себя. Рысь выпустила на мгновение волчицу, ударила волчонка передней лапой и разорвала ему плечо до кости. Волчонок отполз к стене, жалобно скуля.

Схватка затягивалась. У волчонка было достаточно времени, чтобы успокоиться и собраться с силами. Он снова схватил зубами заднюю лапу рыси, яростно рыча сквозь сжатые челюсти.

Воспользовавшись замешательством противницы, волчица впиалась рыси в шею, добралась до пульсирующей вены и перекусила ее. Рысь медленно повалилась на пол пещеры и через несколько минут испустила дух.

Волчица сильно ослабела от полученных ран. Она стала ласкать волчонка илизывать ему царапину на плече, однако из-за большой потери крови не смогла даже подняться. Весь день и всю ночь волчица пролежала около своего мертвого врага. Следующую неделю она выходила из пещеры только для того, чтобы напиться.

Мяса убитой рыси хватило надолго. Раны волчицы зажили, и она снова начала охотиться.

Плечо у волчонка долго болело, но теперь он держался

с большей уверенностью, с гордостью, незнакомой ему до столкновения с рысью. Он участвовал в битве с серьезным врагом и выжил, потому что оказался сильнее.

Мать стала относиться к нему иначе, брать с собой на охоту. Волчонок видел, как она убивает дичь, и сам учился делать то же самое. Он постиг законы охоты и усвоил, что в мире существует две породы существ: они с матерью, и все остальные животные. Чужаки, в свою очередь, делятся на две группы. Есть мелкие животные и мелкие хищники, которых можно безнаказанно убивать и съедать. Но кроме них, существуют крупные враги, которые сами могут охотиться на него.

Так к волчонку пришло понимание главного закона волчьей стаи: цель жизни – добыча.

Часть третья

9. Повелители огня

Однажды волчонок забыл об осторожности. Он вышел из пещеры и побежал к ручью напиться. Он делал это множество раз, и ему просто в голову не пришло, что знакомый путь может таить в себе опасность.

Серый одновременно увидел и почувствовал что-то незнакомое. Перед ним молча сидели на корточках пять живых существ, каких ему не приходилось встречать раньше. На плечах у них были странные гладкие шкуры, а на головах – длинная шерсть, из которой торчали птичьи перья. Незнакомцы неподвижно сидели на корточках в полном молчании.

Волчонок замер на месте. Существа не походили на тех, на кого можно охотиться. Впервые в жизни серого охватил непонятный трепет. Он вдруг показался сам себе слабым и ничтожным, и это сознание лишило волчонка способности двигаться.

Будь волчонок старше, он бы убежал, но пока у него не было собственного опыта общения с людьми и он не знал, что они опасны. Серый затравленно припал к земле, готовый изъяснить покорность, с которой его отдаленный предок пришел к человеку погреться у разведенного костра.

Один из людей встал, подошел к волчонку и наклонился над ним. Серый еще ниже припал к земле, догадавшись, что неизвестный сейчас схватит его. Шерсть у волчонка поднялась дыбом, он зарычал, обнажая маленькие клыки. Рука, нависшая над его головой, на минуту задержалась, и индеец сказал с улыбкой:

– Ну и ну! Какие белые клыки!

Остальные индейцы громко рассмеялись и стали подзадоривать своего товарища взять волчонка на руки. Первый индеец снова стал опускать ладонь. Волчонок глухо рычал до тех пор, пока рука не коснулась его, а потом схватил ее зубами.

Удар по голове свалил его на бок, и охота драться сразу пропала. Волчонок превратился в покорного щенка, сел и заскулил. Люди опять захохотали. Серый ненавидел сам звук их смеха. В его восприятии он навсегда связался с унижением и болью.

Вдруг волчонок насторожился. Знакомое рычание донеслось от пещеры, и индейцы разом перестали смеяться. Волчица услышала крик своего детеныша и теперь спешила к нему на помощь. Серый стал ждать появления своей бесстрашной, свирепой матери, которая умела сражаться и убивать и которая никогда ни перед кем не пасовала.

Волчонок взвизгнул от радости и кинулся ей навстречу. Индейцы поспешно отступили на несколько шагов назад. Волчица стала между своим детенышем и людьми, шерсть у

нее на загравке стояла дыбом, в горле клочкотало устрашающее рычание, губы и нос судорожно подергивались, обнажая грозные клыки.

Неожиданно один из индейцев удивленно воскликнул:

– Это же Кичи!

Волчонок почувствовал, что при звуке человеческого голоса его отважная мать вся сжалась.

– Кичи! – резко и повелительно крикнул индеец.

Серый с удивлением увидел, как мать припала к земле и заискивающе, словно прося пощады, завиляла хвостом. Волчонок растерялся. Происходящее казалось ему ужасным. Он опять затрепетал перед человеком. Инстинкт, переданный далекими предками, говорил ему правду, и мать подтвердила это. Людям надо покоряться, и волчица поползла вперед на брюхе.

Человек, позвавший Кичи, подошел к ней. Он положил волчице руку на голову, и волчица не укусила его, а только еще ниже припала к земле.

– Одичала, – произнес индеец, обернувшись в своих спутникам. – Отец у нее был волк. Мой брат как-то весной привязал свою собаку – мать Кичи – на три ночи в лесу... Так что Кичи наполовину волчица.

– Серый Бобер, Кичи убежала год назад, – сказал другой индеец.

– Ничего удивительного, Большой Лосось, – не смутился Серый Бобер. – Тогда был голод, и собакам не хватало мяса.

– Наверное, она жила среди волков, – изрек третий индеец.

– Ты прав, Орлиный Глаз, – усмехнулся Серый Бобер, прикоснувшись к волчонку, – а вот и доказательство твоей правоты.

Волчонок снова глухо зарычал. Серый Бобер отдернул руку, собираясь ударить его. Тогда маленький хищник спрятал клыки и покорно припал к земле. Рука человека опустилась ему на голову, стала почесывать волчонка за ухом и гладить его по спине. Это оказалось на удивление приятное ощущение.

– Кичи его мать, а отец был волк. Собачьего в нем мало, а волчьего много, – говорил Серый Бобер. – У него белые клыки. Я так и назову его – Белый Клык. Кичи принадлежала моему брату, но он умер. Теперь Кичи моя собака, и ее детеныш тоже.

С этими словами Серый Бобер надел на шею Кичи сыромятный ремень, подвел ее к невысокой сосне и привязал к дереву.

Белый Клык поплелся за матерью и улегся возле нее. Большой Лосось подошел к ним вплотную, протянул к волчонку руку и опрокинул его на спину. Белому Клыку совершенно не нравилась такая унижительная и беспомощная поза, но вцепиться в руку человека он больше не посмел. Индеец стал почесывать ему живот и перекатывать с боку на бок. Потом он перевернул волчонка и принялся гладить по спине взад и

вперед. Белый Клык испытывал при этом какое-то необъяснимое удовольствие.

В это время на тропинку, которая вела к ручью, вереницей вышло все индейское племя. Оно перекочевывало на новое место, а Серый Бобер, Большой Лосось и Орлиный Глаз вырвались немного вперед, чтобы произвести разведку. Индейцев было около сорока человек. Мужчины, женщины, дети, собаки тащили нехитрые пожитки и съестные припасы.

Белый Клык никогда раньше не видел собак. Однако он почувствовал, что они мало чем отличаются от его собственной породы. Собакам волчонок не понравился, потому что пахло от него, как от дикого зверя. Псы подняли лай, сбились в кучу, навалились на яростно рычащего волчонка, впиваясь зубами в его тело. Волчонок упал, но не растерялся. Он услышал отчаянное рычание Кичи, рванувшейся ему на подмогу, и принялся кусать нападавших. Чуть позже слышались крики людей, удары палок и визг собак.

Собаки, недовольно ворча, отступили. Белый Клык поднялся и сталлизывать раны. Люди защитили его, и это показалось ему странным и удивительным. Перед ним стояли необыкновенные, могущественные существа, которые властвовали над знакомым ему миром животных. Здесь было над чем поразмыслить.

Какое-то маленькое человеческое существо взяло в руки ремень, которым была привязана Кичи, и повело ее за собой, как пленницу. Следом за Кичи побрел и Белый Клык, сму-

щенный и обеспокоенный всем происходящим.

Индейцы разбили стоянку. Белый Клык с удивлением осматривался. Могущество людей росло с каждой минутой. Белого Клыка поражало, что люди имели власть не только над собаками, но и над неживыми предметами. Более того, люди умели изменять окружающий мир. На глазах у волчонка они установили шесты, обтянули их кожей и парусиной – и деревянные палки превратились в вигвамы. Один за другим индейские шалаши стремительно росли вокруг, словно живые существа.

Тут перед Белым Клыком появился щенок, примерно его возраста. Индейцы звали его Лип-Лип. Он был известный забияка. Ощетинившись и грозно рыча, волчонок и щенок стали ходить по кругу друг против друга. Это продолжалось довольно долго, и Белому Клыку такая игра начала нравиться. Вдруг Лип-Лип быстро прыгнул вперед, рванул волчонка зубами за плечо и поспешно отскочил в сторону. Плечо еще болело после битвы с рысью. От неожиданности волчонок присел на задние лапы и заскулил. Проходивший мимо Серый Бобер ударом палки отогнал Лип-Липа, и Белый Клык вновь убедился, что люди могут быть очень справедливыми.

Это была первая схватка Белого Клыка с Лип-Липом, и таких сражений им предстояло немало, потому что с первой встречи волчонок и щенок почувствовали глубокую неприязнь друг к другу.

Серый Бобер прошел на середину поляны, и Белый Клык

последовал за ним, уже признавая в этом человеке своего хозяина. Женщины и дети подносили Серому Бобру палки и сучья. Готовилось что-то интересное. Любопытство подстегнуло Белого Клыка, и он подошел к Серому Бобру вплотную. К своему удивлению, волчонок увидел, что индеец быстро трет друг о друга небольшие сучки, обложенные мхом. Скоро из-под рук Серого Бобра повалил белый дымок, из которого, крутясь и извиваясь, возникло что-то живое, красное, как солнце в небе.

Белый Клык не подозревал о существовании огня и решил исследовать непонятное явление. Он коснулся пламени носом, одновременно высунул язык и тут же отпрянул от огня, отчаянно визжа.

Это была самая сильная боль, которую пришлось испытать волчонку в жизни. Неведомое существо, родившееся под руками Серого Бобра и похожее на яркое солнце, обожгло ему нос и язык. Это существо было сильнее волков и даже сильнее людей.

Белый Клык обвел взглядом индейское племя. Люди казались ему высшими существами. Они обладали непостижимым, безграничным могуществом. Они владели живым и неживым миром, им повиновалось все, что способно двигаться. Из сухого мха и палок они рождали существо, которое больно жгло и цветом напоминало солнце.

10. Рядом с людьми

Кичи и Белый Клык жили в индейском племени уже несколько недель. Каждый новый день учил волчонка чему-нибудь новому. Пока мать сидела на привязи, он бегал по поселку, исследуя его и набираясь опыта.

Люди по-прежнему вызывали у него страх, смешанный с восхищением. Белый Клык уступал им дорогу. Когда они подзывали его, он подходил, когда прогоняли, бежал наутек, когда угрожали, припадал к земле. За каждым желанием людей стояла настоящая сила. Они умели причинять боль кулаком и палкой, бросали камни и хлестали бичом. Белый Клык научился уважать людей, как он уважал любую силу.

Но люди не только били его. Они кормили и оберегали их с матерью. Белый Клык доверил людям свою судьбу и снял с себя ответственность за собственное существование. Он уже меньше испытывал потребность охотиться и убивать, потому что Серый Бобер или члены его семьи каждый день давали Кичи и ее детенышу мясо. Постепенно Белый Клык стал приписывать людям те же черты, которыми человек наделяет божество. Люди стали для волчонка богами.

Иногда Белый Клык выходил на опушку леса и подолгу стоял там, прислушиваясь к запахам и звукам, влекущим его обратно, в дикую жизнь. С таких прогулок он возвращался беспокойный, встревоженный, жалобно и тихо повизгивая,

и долго не находил себе места.

Существование Белого Клыка сильно отравлял Лип-Лип. Стоило Белому Клыку отойти от матери, задира уже поджидал его, рычал, а если поблизости не было людей, то лез в драку. Из таких стычек Лип-Лип всегда выходил победителем. Белый Клык терпел одно поражение за другим, но не смирялся. Он стал злобным и угрюмым. Все добродушное, веселое, ребяческое, что было заложено в волчонке, не находило выхода. Он стал сторониться сверстников, никогда не играл и не возился с ними. К тому же Лип-Лип не давал Белому Клыку такой возможности, натравливая на волчонка других щенков.

В Белом Клыке появилась хитрость. Лип-Лип мешал ему получать свою долю мяса и рыбы во время общей кормежки собак, и волчонок стал ловко воровать.

Как-то раз Белый Клык заманил Лип-Липа прямо в пасть своей матери-волчицы. Так сама Кичи когда-то завлекала собак и уводила их от людской стоянки на съедение стае. Кичи сбила наглого щенка с ног и впиалась в него зубами. Лип-Лип затрепыхался и вырвался с большим трудом. Белый Клык не дал ему даже поскулить вдоволь. Он кинулся на своего врага и разорвал ему заднюю лапу. Хромая, Лип-Лип с позором пустился наутек, а Белый Клык гнался за ним по пятам до самого вигвама. Тут на выручку Лип-Липу подоспела его хозяйка, и волчонку пришлось убраться восвояси.

Через несколько недель Серый Бобер отвязал Кичи, ре-

шив, что теперь она уже не убежит. Кичи и Белый Клык вышли на опушку леса неподалеку от поселка. Волчонок надеялся, что ему удастся убедить мать вернуться к вольной волчьей жизни. Кичи остановилась на опушке. Белый Клык попробовал завлечь ее дальше. Воля звала волчонка, и мать понимала это, но еще громче в ее ушах звучал зов огня и человека, зов, на который из всех зверей откликается только волк и дикая собака.

Постояв несколько минут, Кичи повернулась и медленно, рысцой побежала обратно в поселок. Белому Клыку ничего не оставалось, как последовать за ней.

Дни шли за днями. Кичи и Белый Клык все время были вместе. Волчонок был доволен, и ему казалось, что безмятежное существование будет продолжаться вечно. Однако идиллия скоро кончилась.

Серый Бобер задолжал Орлиному Глазу. Тот уходил на лето охотиться вверх по реке Маккензи на Большое Невольничье озеро. Отрез красной ткани, шкуру медведя, двадцать патронов и Кичи пришлось отдать в уплату долга. Орлиный Глаз погрузил пожитки в свою пирогу, крепко привязал Кичи и стал прощаться с Серым Бобром.

Волчонок заволновался, Кичи завывала. Орлиный Глаз крепко привязал ее ремнем. Пирогой отчалила. Белый Клык прыгнул в воду и поплыл за лодкой, не обращая внимания на крики Серого Бобра. Боязнь разлуки с матерью оказалась сильнее страха перед гневом человека.

Но боги привыкли, чтобы им повиновались. Рассерженный Серый Бобер спустил на воду свою пирогу и поплыл вдогонку за Белым Клыком. Он быстро настиг беглеца, схватил его левой рукой, а правой избил от души.

Волчонку никогда не было так больно, и, защищаясь, он вцепился зубами в ногу человека, обутую в мокасина.

Гнев Серого Бобра обрушился на него с новой силой. Хозяин бросил Белого Клыка на дно пироги и принялся бить тяжелым веслом. Когда пирога причалила к берегу, на теле волчонка не осталось ни одного живого места.

Серый Бобер швырнул Белого Клыка на берег. Тот со всего размаху грохнулся боком о землю. Дрожа всем телом, Белый Клык поднялся на лапы и заскулил.

Лип-Лип наблюдал за всем происходящим с безопасного расстояния. Едва Белый Клык встал, Лип-Лип бросился вперед, сшиб его с ног и впился в шею волчонка зубами. Белый Клык был слишком слаб, чтобы защищаться. Неожиданно Серый Бобер ударил Лип-Липа ногой так, что тот взлетел высоко в воздух и шлепнулся на землю далеко от Белого Клыка.

Человек снова доказал свою справедливость, и Белый Клык, несмотря на боль и страх, не мог не почувствовать признательность к нему. Волчонок послушно поплелся за Серым Бобром через весь поселок к его вигваму.

Так он признал в Сером Бобре своего хозяина и главного бога, которому отныне стал служить верой и правдой.

Серый Бобер ни разу не погладил и не приласкал Белого Клыка. Тем не менее, его тяжелый кулак, его справедливость, его могущество, даже его немногословность и угрюмость пробудили в сердце молодого волка некое подобие привязанности.

11. Чужак

Среди обитателей поселка Белый Клык чувствовал себя чужаком. Все молодые собаки следовали примеру Лип-Липа и, сбиваясь в стаю, нападали на волчонка и издевались над ним. Между собаками и Белым Клыком существовало какое-то различие. Они чуяли в нем другую породу и испытывали к нему инстинктивную ненависть. Многих из них Белый Клык легко одолел бы один на один, но такого случая ему не выпадало. Начало любой драки служило сигналом для молодых собак. Они сбегались со всего поселка и дружно набрасывались на Белого Клыка.

Белый Клык научился двум важным вещам: отбиваться от нескольких противников одновременно и, имея дело с одним врагом, наносить ему как можно больше ран в кратчайший срок. Никому не удавалось сбить волчонка с ног, и это умение впоследствии сослужило волку хорошую службу.

Белый Клык был еще очень молод. Его челюсти пока не могли наносить смертельных ударов, однако на шее многих щенков остались следы его зубов. Однажды он изловил од-

ного из своих мучителей на опушке леса и перекусил ему горло. Щенок испустил дух. В тот вечер поселок гудел как растревоженный улей. Весть о проделке Белого Клыка дошла до хозяина издохшей собаки. Женщины припомнили Белому Клыку его кражи, и скоро около жилища Серого Бобра собралась целая толпа. Индейцы требовали выдать им волчонка на растерзание, но Серый Бобер решительно закрыл вход в вигвам, где прятался волчонок, и отказался предъявить его своим соплеменникам.

Едва собаки замечали Белого Клыка, они дружно бросались догонять его, и тогда волчонок спасали только быстрые ноги. Но если какой-нибудь пес увлекался погоней настолько, что вырывался вперед и обгонял своих товарищей, Белый Клык на всем ходу поворачивался к преследователю, несущемуся впереди стаи, бросался на него и впивался в горло.

Постепенно волчонок рос и мужал. На его поджаром, гибком теле, тугими клубками выступали мускулы. В нем развивались все те качества, которые помогали противостоять опасности. Белый Клык всегда сохранял хладнокровие, в проворстве и хитрости с ним не могла сравниться ни одна из индейских собак. Белый Клык бежал быстрее, вел себя беспощаднее, в погонях был выносливее, в драках злее. Его несомненное превосходство отмечали даже люди.

12. Вслед богам

Осенью Белому Клыку подвернулся случай убежать на свободу. Несколько дней в поселке царил а суэта. Индейцы разбирали летние вигвамы и готовились отправиться на осеннюю охоту. Скоро поляна опустела, а вещи погрузили в пироги. Лодки начали отчаливать от берега.

Белый Клык решил никуда не ехать и, воспользовавшись тем, что хозяин за ним не следил, ускользнул из поселка в лес. Переплыв ручей, который уже кое-где затягивался льдом, молодой волк запутал свои следы. Потом он зашел поглубже в чащу и стал ждать.

Прошло несколько часов. Белый Клык то засыпал, то просыпался. Вдруг совсем рядом послышался голос Серого Бобра, потом голос Клу-Куч, жены хозяина, которая тоже искала Белого Клыка, и голос их сына Ми-Тса.

Белый Клык задрожал от страха, когда услышал свою кличку. Ему стоило большого труда удержаться и не помчаться со всех ног на зов человека. Но он пересилил себя, дождался, пока голоса замерли вдаль, и только тогда выбрался из кустарника. Белый Клык был доволен, что побег удался.

День клонился к закату. Белый Клык резвился между соснами, наслаждаясь желанной свободой, но внезапно его охватило неприятное чувство одиночества.

Похолодало. Теплой стены вигвама, около которой волк грелся прежде, в лесу не было. Белый Клык проголодался и вспомнил, какие сочные куски мяса и рыбы перепали ему от людей. Он впал в зависимость от своих богов и лишился части волчьей силы, в частности, разучился добывать себе корм.

Наступила ночь. Свинцовые тучи опустились низко над лесом, и пошел снег. Дерево, схваченное морозом, громко скрипнуло над головой. Белый Клык взвыл от страха и опрометью кинулся к поселку. Он почувствовал непреодолимую потребность в людском обществе, в защите, которую оно давало. Каково же было его удивление, когда он не увидел на прежнем месте знакомого поселка!

Белый Клык забыл, что люди ушли, и остановился на поляне в нерешительности. Бежать ему было некуда.

Белый Клык вспомнил, как индейцы спускали пироги на воду, и большими скачками понесся вдоль берега реки. Он бежал весь день, не останавливаясь на отдых. Ручьи и речки, впадавшие в Маккензи, Белый Клык переплывал или переходил вброд. Снег все падал, но это даже радовало его – ведь на снегу виднее следы, а Белый Клык очень надеялся напасть на след людей, своих богов.

Ему просто не пришло в голову, что пироги индейцев могут причалить к противоположному берегу реки.

Этой ночью Серый Бобер действительно решил сделать привал на дальнем берегу Маккензи, потому что дорога к ме-

стам хорошей охоты лежала в том направлении. К счастью, незадолго до темноты Клу-Куч заметила на ближнем берегу лося, который подошел к реке напиться. Серый Бобер уложил зверя метким выстрелом из ружья, причалил к ближнему берегу и устроил привал.

Наступила ночь. Снег повалил сильнее. Пробежав много километров и изранив лапы, Белый Клык, тихо повизгивая на ходу, напал на свежий след. Он сразу узнал его и обрадовался. Молодой волк повернулся спиной к реке и бросился в лес. До ушей его донеслись знакомые звуки. Он заметил пламя костра, Клу-Куч, которая готовила ужин, и Серого Бобра. Хозяин присел у огня на корточки и жевал кусок сала.

Белый Клык ожидал справедливой расправы, боялся побоев и знал, что их не избежать. С другой стороны волк знал, что, после того, как его накажут, он будет греться у костра и есть свежее мясо, которое дадут ему боги.

Белый Клык лег на брюхо и пополз к костру. Серый Бобер заметил своего волка и перестал жевать сало. Белый Клык медленно двигался прямо к хозяину и, наконец, лег у его ног.

Серый Бобер понял, что отныне волк добровольно предался ему телом и душой. Он поднял руку над головой Белого Клыка. Тот съежился, готовясь принять удар. Но удара не последовало.

Белый Клык украдкой взглянул вверх. Серый Бобер разорвал сало на две части и протянул ему половину. В жизни молодого волка еще не было куска слаще, чем этот.

13. Условие

В середине декабря Серый Бобер, Ми-Тса и Клу-Куч отравились вверх по реке Маккензи. Сани Серого Бобра везли старые, опытные собаки. Во вторые сани, поменьше, были впряжены молодые псы, которыми правил Ми-Тса. В этой упряжке оказались подросший Лип-Лип и Белый Клык. Белый Клык раньше не раз видел ездовых собак, поэтому не стал сопротивляться, когда его поставили вместе с ними.

Обе упряжки были запряжены так называемым веером. У такого способа было очевидное преимущество: разная длина веревок мешала собакам, бегущим сзади, кидаться на передних. Главное же заключалось в том, что, стараясь напасть на передних собак, задние налегали на постромки, и чем быстрее катились сани, тем быстрее неслась преследуемая собака.

Ми-Тса не скрывал своей радости от того, что исполнял взрослую мужскую работу. Паренек давно заметил, что Лип-Лип, у которого раньше были другие хозяева, не дает прохода Белому Клыку, и пытался защитить своего волчонка. Теперь Лип-Лип принадлежал Серому Бобру, и, решив отомстить забияке, Ми-Тса сделал Лип-Липа вожакom в упряжке. Чести в этом было мало, потому что вожака ненавидели и преследовали все собаки, недовольные привилегированным положением Лип-Липа.

Чтобы усилить эти враждебные чувства, Ми-Тса стал нарочно отличать Лип-Липа перед всей упряжкой и возбуждать в собаках ревность к вожаку. В присутствии всей своры Ми-Тса кормил его мясом, при этом никому другому еды не давал. Собаки приходили в ярость и готовы были, представься такая возможность, разорвать вожака на куски. Так однажды и произошло. Вся свора, выждав момент, когда никого из хозяев не было поблизости, налетела на Лип-Липа, и тот обратился в позорное бегство. Он уже не вернулся к Серому Бобру, пустившись бродяжничать по лесу.

– Лип-Лип исчез, – поведал Ми-Тса отцу. – Наверное Белый Клык будет вожаком.

– Собаки его ненавидят, – покачал головой Серый бобр. – Он слишком угрюмый. Всех кусает.

– Это он уважения требует, – усмехался Ми-Тса.

Белый Клык назубок знал закон: притесняй слабого и подчиняйся сильному. Он быстро съедал брошенный ему хозяином кусок и оглядывался по сторонам. Если кто-то из собак к тому моменту еще не кончил есть, Белый Клык отбирал чужое мясо.

Белый Клык никого не любил, даже Серого Бобра. Он признавал хозяина богом, но богом жестоким. Его власть основывалась на умственном превосходстве и на грубой силе.

От человеческих рук волк старался держаться подальше. Они бросали камни, махали палками и бичами, они умели бить и шпынять, их прикосновение сулило одни неприят-

ности. Детские руки норовили ущипнуть или выдрать клочок шерсти. Один малыш чуть было не выколол Белому Клыку глаз. После этого случая волк терпеть не мог детей.

Белый Клык твердо знал непреложную истину: нападение на людей не прощается и подлежит суровой каре. Однако в одном из поселков на берегу Большого Невольничьего озера, куда Серый Бобер привел свою пирогу, жизнь внесла в этот закон поправки.

Белый Клык отправился на поиски пищи. На окраине поселка ему попался мальчик, разрубавший топором мерзлую тушу лося. Кусочки мяса разлетались в разные стороны. Белый Клык подбежал ближе и стал и подбирать их. В этом не было ничего противозаконного: собаки всегда подбирали то, что упало у хозяев. Но мальчик неожиданно громко и протестующе закричал, отбросил топор, вооружился толстой палкой и двинулся на Белого Клыка. Волк отпрыгнул назад, увернулся от удара и бросился наутек. Мальчик погнался следом. Белый Клык не знал расположения вигвамов в поселке и очутился в тупике перед высоким земляным валом.

Выскочить из западни было некуда. Мальчик загородил собой единственный выход из тупика и, замахнувшись палкой, шагнул вперед. Белый Клык расвирепел и даже не успел сообразить, как мальчик вдруг упал на снег, а рука его, сжимавшая палку, обагрилась кровью.

То, что сделал Белый Клык, было непростительно, и волк

знал это. Он бросился к Серому Бобру и, съжившись, при-
могнулся у его ног. Скоро укушенный мальчик и его семей-
ство явились предъявлять свои претензии. Однако им при-
шлось уйти ни с чем. Серый Бобер решительно заступился
за Белого Клыка, и то же самое сделали Ми-Тса и Клу-Куч.
Белый Клык внимательно прислушивался к тому, как ссори-
лись из-за него люди, и понял, что для его проступка есть
оправдание.

– Он ничего плохого не сделал, – твердил Ми-Тса. – То,
что упало, может подобрать любая собака. Зачем было гро-
зить ему?

– Собака должна знать свое место! – не унимались род-
ственники укушенного.

– Белый Клык его знает, – отрезал Серый Бобер. – Но если
кто посмеет его обидеть, он постоит за себя.

С этими словами Серый Бобер развернулся и удалился
в вигвам. Родственники укушенного помялись и ушли ни с
чем. Так Белый Клык узнал, что боги бывают разные: свои
боги и чужие боги.

Через несколько дней Ми-Тса собирал в лесу хворост и
наткнулся на группу мальчиков, среди которых был укушен-
ный. Мальчики затеяли ссору, набросились на Ми-Тса и ста-
ли избивать его. Белый Клык, который увязался в лес за сы-
ном хозяина, вначале наблюдал за дракой со стороны, а по-
том сообразил, что быют-то Ми-Тса, одного из его собствен-
ных богов. Порыв бешеной ярости подхватил волка и швыр-

нул в самую середину потасовки. Пять минут спустя мальчишки разбежались с поля битвы. Почти каждый из них был ранен более или менее серьезно.

Ми-Тса привел Белого Клыка домой и рассказал отцу о случившемся. Серый Бобер дал Белому Клыку много мяса, причем кормил его из своих рук, что считалось знаком особого расположения.

Белый Клык скоро выучил закон собственности, который гласил, что все, принадлежащее хозяину, надо охранять. Он защищал тело своего бога, защищал его имущество, не останавливаясь даже перед нападением на других людей.

Угрюмый и необщительный, Белый Клык стал непревзойденным сторожем хозяйского добра. Он скоро понял, какая разница между вором и гостем: гость идет в вигвам хозяина уверенной походкой, а вор крадется на цыпочках, опасливо оглядываясь, стараясь не шуметь. Еще Белый Клык уяснил, что вор убегает не потому, что боится его, хозяйского пса, а потому, что боится Серого Бобра. Стало быть, в задачу сторожа входило, учуяв вора, поднять как можно больше шума, чтобы привлечь внимание хозяина. Белый Клык никогда не поднимал лай, потому что не умел лаять. Он бесшумно подкрадывался, молча кидался на непрошеного гостя и впивался в него зубами. Тогда уже истошно орал и поднимал шум сам вор.

14. Голод

Зима близилась к концу, и долгое путешествие Серого Бобра тоже завершилось. В начале апреля Белый Клык, которому уже исполнился год, снова вернулся в старый индейский поселок.

Теперь он стал уверенно и спокойно расхаживать среди взрослых собак. Волк не искал поводов для ссоры, но требовал к себе уважения.

В середине лета с Белым Клыком произошел забавный случай. Пробегая по поселку, он неожиданно наткнулся на Кичи. Белый Клык смутно помнил ее, но Кичи уже забыла сына и за время, что они не виделись, обзавелась новым выводком. Грозно зарычав, Кичи оскалила зубы, бросилась на Белого Клыка и распорола ему скулу до самой кости. Он не понял, что произошло, и растерянно попятился назад, ошеломленный таким приемом. Белый Клык оторопело смотрел на мать, которая облизывала нового детеныша, и всячески демонстрировала свою неприязнь по отношению к старшему сыну. Кичи хотела, чтобы Белый Клык исчез из ее жизни, и он покорился. Мать больше не была нужна ему, она стала для него просто особью женского пола, а по закону волчьей стаи, самцы не должны драться с самками.

Белый Клык окончательно стал взрослым и самостоятельным. У него осталась только одна слабость: он не терпел, ко-

гда над ним смеялись. Со стороны это смотрелось довольно странно: степенная, полная достоинства собака, какой считался Белый Клык, при звуках смеха вдруг приходила в бешеную ярость и неистовствовала до нелепости.

– Чего он так с ума сходит? – недоумевал Серый Бобер.

– Злобный очень, – замечали его соседи. – Ненавидит, когда другим весело.

Когда Белому Клыку исполнилось два года, племя индейцев пережило страшный голод. Летом в реке пропала рыба. Зимой олени ушли со своих обычных пастбищ, а лоси и зайцы попрятались. В поселке день и ночь стоял плач. Женщины и дети отдавали свои маленькие порции еды исхудавшим охотникам, которые безуспешно рыскали по лесу в поисках дичи.

Индейцы ели мокасины и рукавицы из сыромятной кожи, а собаки глодали свою упряжь и бичи. Потом дошло до того, что собаки стали есть друг друга, а люди – собак.

В это тяжелое время Белый Клык убежал в лес. Он был лучше, чем другие псы, приспособлен к дикой жизни. В детстве волчонок прошел отличную школу выживания, научился искусно выслеживать мелких зверьков, мог часами наблюдать за каждым движением осторожной белки и ждать, когда она наконец решится спрыгнуть на землю. Белый Клык проявлял на охоте громадное терпение, которое в большинстве случаев вознаграждалось.

Бывало, однако, что охота не удавалась, и голод донимал

Белого Клыка особенно жестоко. Тогда он подкрадывался к поселку, но на глаза людям старался не попадаться. Он бегал по лесу и обкрадывал силки, в которые изредка попадалась дичь. Как-то он вытащил зайца из силка, поставленного Серым Бобром. Утоляя голод под кустом, Белый Клык видел, как Серый Бобер, пошатываясь от слабости, шел по лесу, надеясь, что найдет в силке еду для себя и для изголодавшегося семейства.

Однажды Белый Клык встретил в лесу молодого волка-одиночку. Зверь еле держался на ногах. Белый Клык погнался за волком, задрал его и съел.

В другой раз Белый Клык столкнулся с целой стаей голодных волков. Они бросились за ним в погоню, но Белый Клык, недавно убивший и съевший рысь, был сыт, полон сил и легко убежал от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.